Глава 36: Наблюдатель

Нин Чень упростил дело, будь то задание, выданное ему или студентам академии.

Ему никогда не приходило в голову, что кто-то такого возраста попытается обмануть, и все же они это сделали.

Их было четверо, одной из них была очаровательная маленькая девочка.

Если бы это было в любой другой день, Нин Чень, вероятно, закрыл бы на это глаза, однако сегодня был снежный день, и его настроение было особенно неприятным.

Когда он повернулся в сторону и уставился на ненавистный снег, грызущее кости ощущение в ногах медленно нашло на него. В конце концов, он не смог убедить себя, чтобы этот вопрос ускользнул.

Громкий и ясный звук кресла-коляски эхом отозвался в безмолвной комнате, который мгновенно привлек внимание учеников. Они подняли голову, чтобы посмотреть, в чем дело, но вместо этого увидели его, спокойно сидящего перед маленькой девочкой.

Не говоря ни слова, Нин Чень протянул свою руку перед девушкой, торжественно ожидая, когда она отдаст бумагу.

Линь Вань'эр подняла свои тонкие брови и уставилась на вытянутую руку, прежде чем поднять голову и показать подростку сияющую улыбку; она не собиралась передавать бумагу.

Пара долго смотрела друг на друга, но рука оставалась такой же протянутой, как всегда. Его намерения были ясны, он не уйдет без бумаги.

"Отдай её."

Ее лицо меняло цвета от шокированного белого до ярко-красного. В конце концов, однако, она смягчилась и сдала лист бумаги, который она скрывала.

Нин Чень слегка кивнул, прежде чем раздавить бумагу сильным сжатием кулака, а затем запихнул её в деревянную мусорку, прикрепленную к его подлокотнику.

Тот же процесс произошел для остальных трех студентов, с разницей лишь в том, какие инструменты они использовали для обмана; кисть со словами, вырезанными на ней, чернильница с слабой гравюрой на ней и ответы, нашитые на рубашку. Все они были конфискованы без пощады; даже последняя, которую Нин Чень беспощадно сорвал.

Академия славилась тем, что была жесткой по отношению к мошенникам, и, таким образом, никто из трех не осмелился сопротивляться ему. С еще одним сжатием кулака он уничтожил

доказательства и случайно бросил их в одну и ту же деревянную мусорку.

Это было потрясающее сжатие, которое послало четкое сообщение: этот спокойно смотрящий заменяющий наставник не потерпел бы никакой чепухи.

В то время как некоторые из них были практикующими, ни один из них не мог раздавить прочную чернильницу или сорвать кусок одежды так небрежно.

На оставшуюся часть экзамена студенты стали заметно послушнее, но, когда он думал, что больше не будет проблем, он получил еще один сюрприз. В тот момент, когда он закрыл глаза, чтобы размышлять, прелестная девушка снова попалась.

Он медленно открыл глаза и посмотрел на Линь Вань'ер. С движением его запястья и сжиманием пальцев, её лист бумаги быстро скользнул в его ладонь.

«Второго раза не будет».

Он спокойно объявил к огорчению маленькой девочки. В стороне, другие студенты ахнули тихо в удивлении; это был первый раз, когда они видели, как он разговаривал в последние два месяца.

«Мой дедушка - директор!»

Она хлопнула по столу и заорала, как маленькая тигрица.

Студенты сразу же отвели свои глаза от этих слов, но они просто вызвали улыбку у подростка-инвалида. Похоже, какая бы эпоха ни была, всегда будут происходить одни и те же вещи.

«Я - наблюдатель».

Он ответил и указал на деревянный значок на груди.

«Ты замена».

«Но я все еще твой наблюдатель», - спокойно ответил он еще раз.

"Ты--"

Она не хотела позволять ему побеждать, и все же она не могла найти слова, чтобы опровергнуть его. В конце концов, на экзаменах, наблюдатель был высшим авторитетом; это было железным правилом академии.

Увидев ее сердитое выражение, он решил больше не провоцировать ее. В то время как он был их наблюдателем во время этого экзамена, вне его, у них вообще не было никакой связи с ним. Таким образом, не было необходимости заниматься этим вопросом.

Это был тест на знакомство студентов с четырьмя конфуцианскими классиками и, без сомнения, был трудным. В то время как Мудрец не задавал слишком много вопросов, все они были жесткими, и почти никто не мог ответить на них совершенно.

Каждый год этот экзамен всегда оказывался самым большим препятствием, которое должны были преодолеть ученики. Кроме того, Мудрец не был предвзятым в своей проверке, и поэтому у них не было выбора, кроме как пройти этот экзамен честно.

Вскоре экзамен подошел к концу. Нин Чень покатился в своем инвалидном кресле, собирая бумаги, после чего он быстро ушел без каких-либо других слов.

За пределами экзаменационного зала снег был таким же толстым, как и раньше, и в ближайшее время не было никаких признаков ослабления. Погода была холодная, пробирающая до костей. По мере того как порыв ветра дул с севера, Нин Чень инстинктивно сжимался в своей инвалидной коляске, когда он начал толкать колеса вперед.

Внезапно он почувствовал руку на своем инвалидном кресле. Обернувшись, он увидел молодого человека, одетого в синюю одежду, мягко подталкивающего его кресло-коляску. Нин Чень знал этого человека. Он был одним из четырех учеников, которые обманули, тот, кто пришил свои ответы на рукаве. Это был не особенно яркий ход, но осторожный.

«Спасибо, Наставник».

Инь Ифэй сказал смущенным тоном; В конце концов, обман был не совсем почетным.

Все, что он хотел, это получить хорошую оценку в курсе Мудреца, чтобы проложить путь к его будущему. Тем не менее он оказался пойманным наблюдателем.

Как отмечалось ранее, академия занимала жесткую позицию в отношении мошенников. Если бы наставник сохранил доказательства, их судьба была бы запечатана; возможно их исключили бы. Были и такие инциденты в предыдущие годы. В конце концов, всегда будет кто-то, кто хотел бы испытать свою удачу, и, таким образом, обман не может быть полностью предотвращен.

«Мы больше не в экзаменационном зале, поэтому нет необходимости обращаться ко мне как к Наставнику», - ответил Нин Чень, покачав головой.

«В сердце этого ученика ты всегда наставник», - сказал Инь Ифэй с неожиданным уровнем настойчивости.

Услышав это, Нин Чень больше не говорил и позволил молодому человеку подтолкнуть его.

С этого дня обычно можно найти молодого человека, который подталкивает инвалидное кресло Нин Ченя. Тем не менее, Нин Чень убедился, что отправит юношу, когда приходит время, чтобы он рубил лес. Для него это было то, в чем ему не нужна помощь Ифэй. В конце концов, Инь клан послал его сюда учиться, а не выполнять обязанности.

Что касается клана Инь, Нин Чень не знал об этом много. Все, что он знал, было то, что это был грозный клан, что и следовало ожидать в академии; независимо от того, кто это был, все ученики имели грозный собственный фон.

С тысячей лет процветания за поясом, единственной вещи,в которой Великая Ся не испытывала недостатка, были дворяне и кланы. На этой богатой плодородной земле кланы были столь же многочисленны, как звезды в небе.

Если бы не директор, эта группа молодых мастеров, вероятно, перевернула бы Академию с ног на голову.

Основываясь только на этом факте, можно представить себе, насколько сильным был Сяньтянь.

Нин Чень поднял голову и посмотрел в направлении конкретного непритязательного дома, глядя мимо многочисленных стен, блокирующих его вид. В нем был сильнейший человек в Академии; эксперт со статусом, сродни божественному на территории Великой Ся.

Говорят, что нынешние Великие Герцоги Великой Ся были студентами в академии и провели там долгий и трудный период, прежде чем войти во дворец и в конечном итоге стать главами конфуцианства, военных и правительства.

Таким образом, академия была действительно лучшим местом для учебы, будь то гражданские или военные исследования.

* Бац *

Через два дня в середине утра ослепительный луч света выстрелил в небо в далеке на востоке. Казалось, что белая радуга пронзила небеса и землю, излучая страшную ауру, которая потрясла континент.

В тот самый момент все эксперты в смертном царстве трепетали, когда они смотрели на восток с недоверчивым взглядом в их глазах.

«Шестой Сяньтянь».

Спустя почти сто лет смертный, наконец, сломал оковы своей смертности и вошел в царство Сяньтянь.

«Кто это может быть?» - это был вопрос у всех. Каждый Сяньтянь был властным существованием, и этот только что появившийся Сяньтянь без преувеличения повлияет на состояние мира.

Особенно учитывая сложное состояние мира сегодня, никто не мог предсказать, какое влияние может оказать появление Сяньтянь на различные державы мира.

"Это ты?"

Нин Чень пробормотал, когда он смотрел на отдаленный свет. В нем был намек на знакомое, но по большей части он казался чужим. По какой-то неизвестной причине его настроение значительно ухудшилось.

Он ненавидел эту чуждость; это принесло ему неудобство, крайнее неудобство.

Это была холодность, как будто это находилось на высоте, которую он никогда не мог достичь, это была холодность, которая оставила все, и это раздосадовало его.

Она всегда была холодной, но она не была измученной.

«Ты пытаешься подняться до бессмертия или чего-то еще!»

Он заорал на луч света, прежде чем повернуть свою инвалидную коляску, скрывая сердитый взгляд на лице.

Сегодня в академии осталась куча неровно разрубленной древесины. Их разная ширина и длина, отражение бурных чувств внутри подростка.

Еще через два дня экзамены академии наконец подошли к концу. С наступлением праздников большинство студентов и сотрудников уехали на родину.

Что касается того, почему это было просто большинство, это было потому, что в академии остался еще один человек, Нин Чень.

Дело не в том, что он не хотел ехать домой, у него не было дома, чтобы вернуться.

С отъездом учеников на самом деле ему не нужно было продолжать рубить дрова, но он все же рубил.

На пятый день, когда тьма снова опустилась на землю, Нин Чень остановил свою рубку, завершив квоту дня. Он в изумлении уставился на топор, размышляя о направлении своей жизни.

Не заметив, когда из-за инвалидной коляски появилась морщинистая фигура, одетая в белом, и спросила медленно: «О чем ты думаешь?»

«Я не знаю», - уныло ответил он. Это было потому, что он не знал, что делать, он сидел здесь в оцепенении.

«Мудрец, у тебя есть дом, чтобы вернуться?» Мягким голосом спросил Нин Чень.

«У меня был один», - спокойно ответил он тем же медленным голосом.

Прожив долгое время, он почти забыл о доме, но на самом деле у него был один в прошлом.

«Мудрец, я больше не знаю, что делать с собой».

Глаза Нин Ченя проявили глубокое чувство замешательства, когда он это сказал. Он больше не мог вернуться во дворец, и дрова, которые нужно было рубить, уже были расколоты, так что ему теперь делать ...

В этом обширном мире, куда мог пойти такой подросток, как он?

«Откуда ты пришел, туда ты должен идти». Это был простой ответ, содержащий самые простые логики.

«Я больше не могу туда вернуться».

Смущение в его глазах стало еще глубже, когда он смотрел на падающий снег в ночном небе. Был ли здесь кто-то, кто скучал по нему в этом далеком горизонте?

Мудрец стоял там тихо, слушая, как Нин Чень пересказывает свою историю.

В эту ночь пара долго беседовала о своем прошлом. Были некоторые вопросы, которые слишком долго были закупорены, заставляя сходить с ума, и поэтому он рассказал ему все.

Выражение на лице мудреца было спокойным, когда он слушал фантастические рассказы Нин Ченя. Жизнь принимала самые разные формы, и, хотя Нин Чень, возможно, оставил нормальные границы жизни, это все еще была жизнь.

Мудрец был очень хорошим слушателем. Хотя он не долго знал старшего, он доверял ему больше, чем кому-либо.

Он нисколько не боялся, что Мудрец расскажет, что было сказано сегодня вечером. Почему? Потому что он был Мудрецом.

«Поскольку тебе некуда вернуться, отправляйся на север. В жизни, не обязательно должен быть пункт назначения в путешествии. Иногда, быть растеряным - это не плохо.

На рассвете Мудрец спокойно сказал этот совет, прежде чем обернуться, чтобы уйти со своим старым ветхим телом.

При этом Нин Чень тоже ушел, на север, в направлении, на которое указал Мудрец, без каких-либо конкретных соображений позади него.

http://tl.rulate.ru/book/7699/202498